

ДОКУМЕНТ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Соперничество основных держав на Ближнем Востоке

Стивен А. Кук

Март 2021 г.

Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations, CFR) — это независимая внепартийная членская организация, аналитический центр и издатель, призванный служить ресурсом для своих участников, государственных должностных лиц, руководителей предприятий, журналистов, преподавателей и студентов, общественных и религиозных деятелей и других заинтересованных граждан, который поможет лучше понять мир и выбор внешней политики, стоящий перед США и другими странами. Основанный в 1921 году, CFR выполняет свою миссию, поддерживая разноплановый состав участников, в том числе специальные программы по поощрению интереса и совершенствованию опыта следующего поколения внешнеполитических лидеров; созывая встречи в штаб-квартире в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и других городах, на которых высокопоставленные правительственные чиновники, члены Конгресса, мировые лидеры и известные идеологи обсуждают с участниками CFR основные международные проблемы и ищут пути их решения; поддерживая программы исследований, которые способствуют независимым исследованиям и позволяют научным сотрудникам CFR издавать статьи, отчеты и книги, проводить круглые столы по вопросам внешней политики и разрабатывать рекомендации по политике; публикуя *Foreign Affairs*, ведущий журнал, посвященный теме международных отношений и внешней политики США; финансируя независимые рабочие группы, которые готовят отчеты, содержащие выводы и политические рекомендации по важнейшим темам внешней политики; предоставляя актуальную информацию и аналитические материалы о мировых событиях и американской внешней политике на своем веб-сайте CFR.org.

Совет по международным отношениям не занимает институциональной позиции по вопросам политики и не связан с правительством США. За мнения, выраженные в публикациях и на веб-сайте Совета, несут полную ответственность соответствующие авторы.

Для получения дополнительной информации о CFR и данном документе пишите в Совет по международным отношениям по адресу 58 East 68th Street, New York, NY 10065 или звоните в отдел коммуникаций по тел. 212-434-9888. Посетите веб-сайт CFR по адресу CFR.org.

© Council on Foreign Relations®, Inc, 2021. Все права защищены.

Без прямого письменного разрешения Совета по международным отношениям запрещено полностью или частично воспроизводить этот документ в любой форме, за исключением случаев, разрешенных разделами 107 и 108 Закона США об авторском праве (Раздел 17 Свода законов США, параграфы 107 и 108), и выдержек рецензентами для государственных печатных изданий.

Этот документ для обсуждения создан на средства гранта Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. Ответственность за сделанные заявления и высказанные мнения лежит исключительно на авторе.

Введение

В течение последнего десятилетия специалисты по Ближнему Востоку, журналисты и специалисты по внешней политике уделяли значительное внимание арабским восстаниям и их последствиям, включая опосредованные войны в регионе, конкурирующие заявки на лидерство и геополитическое маневрирование между региональными державами. В этот период, когда Соединенные Штаты оспаривали свою роль на Ближнем Востоке, Россия и Китай (и в меньшей степени Индия и Европейский Союз) стремились расширить свое влияние в регионе. Журналисты и аналитики склонны предполагать, что на Ближнем Востоке разворачивается конкурентная борьба великих держав, однако такое предположение почти не проливает свет на то, чего хотят крупные державы и как они собираются достичь своих целей. Конкуренция между действующими лицами до сих пор не привела к прямой конфронтации, а, скорее, остается в сфере установления, расширения и укрепления влияния и авторитета за счет друг друга. Она не препятствует сотрудничеству между крупными державами в отдельных областях, о чем свидетельствует Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) 2015 года. Тем не менее, учитывая преобладающую заинтересованность великих держав в продвижении собственных интересов и авторитета, часто за счет других крупных держав, это сотрудничество, как правило, носит эпизодический и случайный характер.

Хотя Соединенные Штаты остаются важной (пожалуй, самой важной) внешней силой в регионе, американские лидеры и внешнеполитическое сообщество, которое их обслуживает, обсуждают, должен ли Вашингтон быть основным гарантом безопасности в регионе, особенно с падением значения интересов, таких как энергетическая безопасность. Эти дебаты, вкуче с фактическим выходом США из конфликта в некоторых регионах, привели к трем важным последствиям. Во-первых, региональные державы, полагая, что Соединенные Штаты «покидают» регион, взяли дело в свои руки, что породило хаос в некоторых областях Ближнего Востока. Во-вторых, внешние игроки воспользовались возможностью установить свои порядки в регионе, который ранее был зоной исключительно американского господства. В-третьих, хотя крупные державы и их союзники старались избегать прямого конфликта друг с другом, они либо отказались от попыток, либо не смогли заставить региональные державы разрешить существующие конфликты.

Конечно, существующее положение вещей может измениться. Геополитика Ближнего Востока продолжает развиваться, и события в таких далеких регионах, как Европа и Южно-Китайское море, могут изменить расстановку сил и союзы таким образом, что обострят конкуренцию или заложат основу для более тесного сотрудничества. Учитывая непредсказуемость событий, невозможно сказать, какие факторы или изменения будут способствовать тому или иному исходу. Несмотря на эту неопределенность, ясно одно: господство США в регионе, при котором ни одно государство или коалиция не могли бросить вызов мощи и влиянию США, закончилось. Ближний Восток теперь открыт для любых региональных держав и внешних игроков, включая Соединенные Штаты. Такое безвластие сделало регион менее безопасным. Действительно, конкуренция между крупными державами (и между великими державами и региональными конкурентами) существенно повлияла на развитие конфликтов в регионе, особенно в Сирии и Ливии, а также в Йемене и, в меньшей степени, в Ливане.

В отчетах о соперничестве между крупными державами региональные державы часто рассматриваются как рычаги более крупных держав. Этот анализ, как правило, не учитывает такие важнейшие аспекты, как способность региональных держав затруднять и подрывать реализацию целей крупных держав, оказывать им противодействие. Это подтверждается опытом США на Ближнем Востоке, которые столкнулись с такой реакцией как от врагов, так и от партнеров. Пока Соединенные Штаты, Китай и Россия и, в меньшей степени, Индия и Европейский Союз, борются за положение в регионе, Египет, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, Турция и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) преследуют собственные интересы, сотрудничая с этими внешними силами, противодействуя им или работая повсюду в регионе. Противоречивые интересы создали нестабильную динамику в сферах конкуренции крупных держав, порой сталкивая региональные державы с более крупными, которые в свою очередь пытаются обойти другие крупные державы.

Эта игра становится понятной даже при беглой оценке интересов, для достижения которых региональные державы проводят свою внешнюю политику на Ближнем Востоке. Например, Израиль считает своим основным национальным интересом не позволить региональным противникам приобрести средства, представляющие угрозу безопасности Израиля (в связи с чем недавно не позволил Ирану заполучить ядерные технологии). Поэтому Соединенные Штаты, предоставляющие Израилю средства для обеспечения безопасности, важны для национальной безопасности Израиля. Однако израильтяне продемонстрировали независимость от Соединенных Штатов, скоординировав свои действия в регионе с Россией и наладив прочные экономические и технологические связи с Китаем.

Подобно Израилю, Саудовская Аравия считает Иран своим главным противником в регионе и рассчитывает на защиту Соединенных Штатов. У саудовцев нет никаких реальных вариантов, кроме как тесно сотрудничать с Соединенными Штатами, но, поскольку разногласия по Йемену и вопросам прав человека затрудняют американо-саудовские отношения, саудовцы заявили о своей готовности и дальше развивать отношения с Китаем и Россией.

ОАЭ являются важным участником региональной антииранской коалиции и партнером США в области безопасности, но имеют более широкие интересы. Примечательно, что Эмираты пытались противостоять усилению исламистов в регионе и народным восстаниям. В результате интересы ОАЭ совпадают с интересами России, которая также с подозрением относится к массовым протестам и исламистским политическим партиям. Помимо своих основных геостратегических интересов, правительство ОАЭ укрепило экономические связи с Китаем.

Основной интерес лидеров Египта — экономическое развитие и социальная стабильность. Путь египетского руководства к достижению этих целей совпадает со взглядами и целями Пекина и Москвы, хотя Каир стремился уравновесить эти развивающиеся связи давними отношениями с Вашингтоном.

Из всех региональных держав Турцию отличают наиболее динамичные отношения и интересы. Турецкие лидеры стремятся к внешней политике, более независимой от Соединенных Штатов и Организации Североатлантического договора (НАТО), чтобы сделать Турцию лидером на Ближнем Востоке. В результате Турция сыграла важную роль в региональных конфликтах, в частности, в Ливии и Сирии, что привело как к конфликту, так и к сотрудничеству с крупными державами, особенно с США и Россией.

Наконец, Иран стремится стать региональным лидером и для этого пытается подорвать позиции США и их региональных партнеров. Ради реализации этой цели иранское руководство прибегло к

геостратегическому сотрудничеству с Россией, особенно в Сирии, и развитию экономических связей с Китаем.

Россия

Самой заметной крупной державой на Ближнем Востоке, помимо США, является Россия. Хотя влияние Москвы в регионе значительно ослабло после распада Советского Союза, Россия напомнила о себе, когда президент Владимир Путин приказал вооруженным силам вмешаться в сирийскую гражданскую войну в 2015 году. Российская военная мощь стабилизировала ситуацию и спасла сирийского лидера Башара аль-Асада от поражения. С тех пор силы режима при поддержке России вернули себе большую часть сирийской территории. За это время российский флот модернизировал свою давнюю базу в Тартусе, а российские военно-воздушные силы установили присутствие на сирийской авиабазе «Хмеймим».

Для некоторых лидеров в регионе, особенно в Персидском заливе и Египте, решительная помощь Москвы давнему союзнику резко контрастировала с поведением США во время арабских восстаний. С точки зрения властей Эр-Рияда, Абу-Даби, Каира (после того, как власть захватил Абдель Фаттах ас-Сиси) и других, Вашингтон некомпетентно предположил, что результатом власти народа в регионе станет демократия, а не авторитаризм исламистского стиля и хаос. Требование президента Барака Обамы о том, чтобы Хосни Мубарак, который в течение трех десятилетий поддерживал политику США в регионе независимо от того, насколько она была непопулярна среди египтян, отошел в сторону, они считают весьма характерным примером слабости и наивности США.

Уверенность Москвы в том, что восстания арабов 2011 года приведут к нестабильности вместо демократии, вкупе с ее решимостью спасти Асада повлияли на союзников Америки в регионе. Египтяне, разочарованные стратегическими отношениями с Соединенными Штатами еще до бесславного падения Мубарака, предпочли углубить связи Каира с Москвой. Расширение связей между военными, равно как и крупные поставки российского оружия в Египет, продолжилось. В период с 2013 по 2019 год египтяне приобрели российское оружие, включая военные самолеты и вертолеты, на 3 миллиарда долларов США¹. С начала 1970-х годов это была крупнейшая поставка систем вооружений из Москвы в Каир². Ходили слухи, что Россия установит военное присутствие в Египте, но этот сценарий не реализовался (хотя Россия строит военно-морскую базу и базу материально-технического снабжения в Красном море в Порт-Судане, а ее вторжение в Ливию повышает вероятность того, что Путин захочет получить доступ и в эту страну)³. Тот факт, что Египет и Россия занимают одну сторону в конфликтах в Сирии и Ливии, способствовал расширению двусторонних связей, и не озвученный, но несомненный антиамериканизм подчеркнул необходимость укрепления этих отношений. Русские необязательно стремились полностью перетянуть египтян на свою сторону, как Вашингтон сделал с Каиром пятьдесят лет назад, скорее, им было достаточно отдалить Египет от Соединенных Штатов настолько, чтобы осложнить работу США в регионе.

Этому способствовал тот факт, что американо-египетские отношения стопорились почти все двадцать лет, предшествовавших арабским восстаниям. Между Вашингтоном и Каиром возникли разногласия по поводу урегулирования арабо-израильского конфликта, санкций ООН в отношении Ирака, роли египтян в терактах 11 сентября и «Аль-Каиды» в целом, Повестки распространения свободы в мире президента Джорджа Буша, операции «Иракская свобода» и взаимодействия администрации Обамы с Каиром после падения Мубарака. Все эти проблемы подогревали недоверие

между двумя странами, давая Москве возможность представить себя хотя бы частичной альтернативой Вашингтону. Для египтян Россия стала партнером, чьи враждебные взгляды на ислаимзм, права человека и политические реформы совпадают с их собственными. Несмотря на такое единодушие, египетские лидеры не хотят разрывать связь с Соединенными Штатами из-за ежегодной американской военной помощи в размере 1,3 миллиарда долларов США и рычагов влияния, которые связаны с Вашингтоном и Москвой (а также Пекином). Египет извлек выгоду из того, что противопоставил друг другу эти силы.

Египет не единственная страна, чьи отношения с Россией претерпели эволюцию. Похожая динамика наблюдается в Турции, где длинный список геополитических проблем подорвал отношения с США. Большая часть гнева и тревоги по поводу Соединенных Штатов в Турции связана с сирийским конфликтом, в частности, нежеланием администрации Обамы провести смену режима в Сирии и решением Вашингтона сотрудничать с Народными силами обороны, ответвлением Рабочей партии Курдистана, которое с середины 1980-х ведет войну против Турции. Существует также проблема Фетхуллага Гюлена — священнослужителя, который, по заявлению официальных лиц в Анкаре, организовал неудавшийся государственный переворот 2016 года. Гюлен постоянно проживает в США, на своем участке в Пенсильвании, несмотря на требование правительства Турции об экстрадиции. Американские чиновники утверждают, что турецкое правительство не представило достаточных доказательств вины Гюлена для выдачи.

Для Соединенных Штатов роль Турции в помощи Ирану в уклонении от международных санкций, наглое пренебрежение к законам и правоохрательным органам США, когда служба безопасности президента Реджепа Тайипа Эрдогана напала на мирных демонстрантов в Вашингтоне в мае 2017 года, и покупка Турцией российской системы ПВО С-400 окончательно подорвали доверие между двумя странами. Москва воспользовалась сложностями двусторонних отношений для заключения сделки по С-400, в результате чего США решили прекратить участие Турции в совместной программе по созданию многоцелевых ударных истребителей F-35 и применить санкции к турецкой оборонной промышленности. Несмотря на противоположные интересы в Ливии, Сирии и Нагорном Карабахе, Анкара и Москва разграничили их таким образом, что это позволило наладить дипломатические, экономические и военные связи.

Как и Египет, страны Персидского залива были впечатлены вмешательством России в ситуацию в Сирии. После этого в октябре 2017 года король Саудовской Аравии Салман впервые нанес визит в Кремль, а два года спустя Владимира Путина торжественно принимали в Эр-Рияде и Абу-Даби. Учитывая партнерство США с двумя основными державами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), стремление саудовцев и эмиратцев укрепить связи с русскими разительно отличается от политики прошлого⁴. На протяжении большей части холодной войны отношения между странами Персидского залива и Москвой были напряженными, особенно после вторжения СССР в Афганистан в 1979 году. Саудовская Аравия и Советский Союз восстановили дипломатические отношения только через пятьдесят два года, в 1990 году, хотя пройдет еще почти два десятилетия, прежде чем Россия начнет вновь заявлять о своих амбициях в регионе, когда Соединенные Штаты увязнут в Ираке. Еще через десять лет Москва получит ощутимую отдачу от своих дипломатических инвестиций в страны Персидского залива, особенно в Саудовскую Аравию. Несмотря на развитие отношений с Саудовской Аравией, Россия продолжает координировать свои действия в Сирии с Ираном, и, к большому разочарованию стран Персидского залива, русские использовали авиабазу в Иране для проведения операций в Сирии.

В конце 2016 года Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Россия и девять других нефтедобывающих стран, не входящих в ОПЕК, ныне известных как ОПЕК+, договорились ограничить добычу нефти, чтобы поднять цены на нефть после их резкого падения в 2014 г. Несмотря на резкие разногласия между Эр-Риядом и Москвой в начале 2020 года, соглашения об ограничении добычи, заключенные ОПЕК+ в 2016 году, остаются в силе.

У России и Объединенных Арабских Эмиратов более широкий круг общих проблем в регионе, несмотря на разногласия в отношении Ирана. В отличие от саудовцев, лидеры ОАЭ готовы мириться с победой режима в Сирии. Это совпадение взглядов на победу Асада проистекает из общей точки зрения на арабские восстания, которые, по мнению политиков в Москве и Абу-Даби, привели к хаосу и усилили исламистов, в том числе экстремистов. Так что, помимо Асада, эмиратцы и русские поддерживают президента Египта Абдель Фаттаха ас-Сиси, пришедшего к власти в результате государственного переворота 2013 года, в ходе которого был свергнут лидер движения «Братья-мусульмане» Мохаммед Мурси, и Халифа Хафтара в Ливии. Претендующий на лидерство в стране, ливийский военачальник начал наступление на правительство в Триполи, которое, по мнению его оппонентов, включает исламистские группировки⁵. Эмиратцы разделяют озабоченность саудовцев связями Москвы с Тегераном и пытались склонить россиян на сторону ССАГПЗ, однако безуспешно. Кроме того, широко распространенное среди руководителей Эмиратов мнение о том, что Соединенные Штаты покидают регион либо слишком отвлечены внутренними событиями, чтобы играть традиционную стабилизирующую роль, побудило их подстраховаться, наладив отношения с Россией. Результатом стало углубление инвестиционных, торговых, туристических и оборонных связей. Однако у этих связей есть пределы. Например, несмотря на соглашение 2017 года о совместной разработке легкого боевого самолета для ВВС Эмиратов продолжительностью семь лет, проект так и не продвинулся⁶. Соглашение, вероятно, выполняло роль страховки, поскольку руководство Абу-Даби также собиралось приобрести F-35, обещанный президентом Дональдом Трампом и одобренный Сенатом США в конце 2020 года после нормализации отношений между ОАЭ и Израилем. Не взирая на происходящее с проектом истребителя, эмиратцы пришли к выводу, что русские снова стали важными игроками в регионе и что, в отличие от периода холодной войны, укрепление связей с Москвой пойдет на пользу Абу-Даби.

Израиль, пожалуй, является самым значимым союзником США в регионе, который также развивал отношения с Россией. За последние пять лет Москва стала незаменимым советником Иерусалима по вопросам безопасности, в первую очередь из-за роли России в сирийском конфликте. Подобно Турции, Израилю необходимо сотрудничество с Россией для защиты своих интересов в Сирии, в частности, чтобы не позволить Ирану установить там постоянное военное присутствие и помешать поставкам новейших видов вооружений и военной техники из Ирана в «Хезболлу». Это требует постоянного дипломатического диалога на высшем уровне, а также взаимодействия военных на местах. После вмешательства России в 2015 году премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху и президент Путин встречались одиннадцать раз и часто разговаривали по телефону.

Израильтяне и русские использовали прочные отношения между своими лидерами, чтобы гарантировать отсутствие военных столкновений в Сирии. Эта стратегия срабатывала, но не всегда. В сентябре 2018 года сирийские средства ПВО сбили российский самолет-разведчик, в результате чего погибли все 15 военнослужащих на борту. Русские обвинили израильтян в том, что те не предупредили о своих операциях и использовали российский самолет для прикрытия израильских самолетов⁷. В ответ русские закрыли сирийское воздушное пространство для израильтян, но в

конце концов уступили, и израильские воздушные удары по целям Ирана и «Хезболлы» в Сирии возобновились. В отчетах того времени сообщалось, что российские военные выступали против операций Израиля, но решение Путина возобладало. Хотя российский лидер является партнером Ирана в Сирии, его цели не совпадали с Ираном. Путин желает видеть лидером Сирии Башара аль-Асада, поскольку это соответствует интересам России в регионе. Напротив, Иран рассматривает Сирию как актив, который можно использовать в противостоянии с США, Израилем, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами⁸. Таким образом, Москва и Иерусалим так или иначе заинтересованы в том, чтобы внести замешательство в ряды иранцев и заставить их занять оборонительную позицию в Сирии. Отношения между Израилем и Россией также выигрывают от того факта, что руководство обеих стран разделяет мнение о том, что американская поддержка арабских восстаний десятилетней давности (и политической реформы в целом) усилила исламистов и привела к хаосу в регионе.

Помимо совпадения интересов России и США в различных региональных конфликтах и проблемных областях, Москва считает, что сможет реализовать свой основной геостратегический интерес — ослабление западного альянса, воспользовавшись ошибками Америки и очевидным желанием Вашингтона сократить свои обязательства перед Ближним Востоком. С этой целью российские лидеры представили себя компетентной, неидеологической и гармоничной альтернативой Соединенным Штатам в тот момент, когда Вашингтон оказался полной противоположностью в глазах своих региональных союзников. Такое позиционирование позволило России привлечь, если не полностью переориентировать, традиционных американских партнеров на сторону Москвы. В свою очередь это помогает ослабить НАТО (в случае с Турцией) и подорвать региональную коалицию, благодаря которой США относительно легче и дешевле отстаивать свои интересы на Ближнем Востоке. Российское правительство, очевидно, разделяет мнение своих турецких и иранских коллег, а также, возможно, лидеров Египта о том, что порядки, наводимые США в регионе, не отвечают его интересам.

Китай

Хотя возобновление присутствия России на Ближнем Востоке привлекло внимание аналитиков, возросшая активность Китая в регионе может привести к трансформации, учитывая экономические ресурсы, имеющиеся в распоряжении Пекина, а также военные успехи Китая во всех сферах. Эксперты неоднократно высказывали предположение о том, что по мере сокращения присутствия Соединенных Штатов Китай может стать следующей великой державой, которая сыграет роль стабилизатора в регионе. Поскольку отношения между Вашингтоном и Пекином ухудшались, такие анализы приобретали всё большую актуальность. Журналисты, эксперты и политики ожидают, что либо Китай займет место США на Ближнем Востоке в рамках своего стремления доминировать в международном регулировании, торговле и безопасности в ближайшие десятилетия, либо Китай станет конкурентом США, выдвинув на первый план свои экономические амбиции на Ближнем Востоке. Согласно последнему мнению, Пекин не имеет возможности бросить вызов американскому господству в регионе и не заинтересован в этом⁹. Эти конкурирующие мнения являются следствием того факта, что китайское руководство не совсем ясно понимает свои цели в регионе. Китайский «Документ о политике в отношении арабских стран» 2016 года не раскрывает этот вопрос и содержит десять страниц банальностей, охватывающих сотрудничество по ряду областей от политики и финансов до туризма, освоения космоса и здравоохранения¹⁰. Учитывая недостаток деталей, аналитики (особенно те, кто не является экспертом по Китаю и его внешней политике) склонны воспринимать планы Пекина в регионе через призму собственных предубеждений, допущений и политики. Китайское представление о военной мощи, государственном управлении и экономических активах отличается от западного. В результате непосвященным кажутся правдоподобными как агрессивные, так и более благоприятные интерпретации политики Китая на Ближнем Востоке.

Несмотря на разные взгляды на ближневосточную стратегию Китая, планы Пекина на Ближнем Востоке в целом существенно отличаются от прошлого, когда Китай был не более чем второстепенной фигурой. Китайское правительство издавна поддерживало антиколониальные и национально-освободительные движения и имело мало дипломатических контактов с арабским миром, Израилем, Ираном и Турцией¹¹. Например, Пекин и Эр-Рияд установили дипломатические отношения только в 1990-х. С тех пор связи между Китаем, Саудовской Аравией и остальным регионом стремительно развивались¹². Быстрое экономическое развитие Китая, начавшееся в 1990-х, подстегивало продвижение Пекина на Ближний Восток в связи с ростом спроса страны на энергоресурсы. За два десятилетия с 1990 по 2009 год импорт ближневосточной нефти Китаем увеличился с 4,8 миллионов до 47,8 миллионов тонн в год¹³. По оценкам Управления энергетической информации США, в период с 2019 по 2020 год страны Персидского залива обеспечили около 40 процентов импорта китайской нефти. Из них 16 процентов пришлось на долю Саудовской Аравии, что сделало ее крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай¹⁴. Со своей стороны, в 2019 году Иран занял восьмое место в портфеле импорта Китая, поставляя примерно 300 тысяч баррелей нефти в день¹⁵.

За последние тридцать лет масштабы отношений Китая с Ближним Востоком вышли за пределы энергетических ресурсов, хотя нефть остается основным интересом Пекина в регионе. Торговля

между Китаем и регионом значительно увеличилась, и Пекин начал инвестировать в инфраструктуру на Ближнем Востоке. Как и в других регионах мира, в настоящее время Китай является крупнейшим региональным инвестором и крупнейшим торговым партнером одиннадцати стран Ближнего Востока. Китайское руководство понимает, что развитие роли Пекина на Ближнем Востоке имеет решающее значение для успеха инициативы «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI) — плана президента Си Цзиньпина по помещению Китая в центр глобальной торговли товарами, услугами и идеями.

В результате Китай и двадцать одна ближневосточная страна подписали сделки по проектам BRI. Алжир, Египет, Иран, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты также поддерживают «всеобъемлющие стратегические партнерские отношения» с Китаем (определение, которое министерство иностранных дел Китая приписывает странам, имеющим особое значение). К числу стратегических партнеров Китай также причисляет Ирак, Иорданию, Марокко, Оман и Катар, поддерживает «отношения стратегического сотрудничества» с Турцией и «всеобъемлющее инновационное партнерство» с Израилем. Пекин и Иерусалим имеют налаженные связи в сфере оборонных технологий, что временами приводило Израиль к разногласиям с Соединенными Штатами.

Китай инвестировал в развитие и расширение портов и промышленных парков в Египте, Омане, Саудовской Аравии, ОАЭ и близлежащем Джибути, где Китай поддерживает свою единственную зарубежную военную базу. Акцент китайского руководства на этих областях понятен: они расположены вдоль Персидского залива, Оманского залива, Красного моря, Баб-эль-Мандебского пролива и Суэцкого канала, которые могут служить потенциальными перевалочными пунктами для перевозки грузов в Африку, Европу и не только. Если BRI будет успешной (что отнюдь не гарантировано, учитывая огромные расходы), Китаю необходимо будет обеспечить беспрепятственный поток товаров через эти районы, что сделает Персидский залив и Красное море жизненно важными пунктами в планах китайского правительства. Именно поэтому Пекин укрепляет отношения с основными странами близлежащего региона.

Хотя Персидский залив находится в центре внимания китайского руководства, Пекин также выделил значительные ресурсы Северной Африке. Среди его «всеобъемлющих стратегических партнеров» два североафриканских гиганта — Египет и Алжир. Суэцкий канал важен не только как ворота Китая в Европу, но также имеет решающее значение для производства и распространения китайской продукции, предназначенной для Африки. Для этого Пекин вложил в Египет миллиарды долларов США посредством инвестиций, займов и совместных проектов. В период с 2016 по 2019 год китайцы инвестировали в страну не менее 20 миллиардов долларов США, уделяя особое внимание Суэцкой зоне торгово-экономического сотрудничества и промышленному парку площадью три квадратных мили в Айн-Сохне, в тридцати милях к югу от Суэца¹⁶.

Экономические интересы влияют на решения Китая на Ближнем Востоке, но это ведь не единственный фактор, определяющий поведение Пекина в регионе? Можно привести убедительные доводы в пользу того, что китайское руководство стремится сделать мир безопасным ради развития китайской торговли. Ближневосточные лидеры решили принять эту стратегию Китая, посчитав, что Пекин может предложить свой опыт в развитии инфраструктуры и передовых технологий с относительно небольшими первоначальными затратами и без политических условий. Тот факт, что Китай идет на Ближний Восток, не выделяя среди других никакие режимы, с которыми сотрудничает, или качество политических и экономических институтов внутри режимов, сделал его привлекательным для лидеров всех стран региона. Китайский подход отличается от подхода

американцев и европейцев, которые время от времени и в той или иной мере ожидали реформ в обмен на помощь и инвестиции. Таким образом, Китай как региональный игрок является привлекательной альтернативой для лидеров, не желающих устранять нарушение прав человека и коррупцию, которые являются привычной частью их политической и экономической системы¹⁷. В глазах лидеров Ближнего Востока Пекин добился того, к чему стремятся они сами, — устойчивого экономического роста при сохранении политического контроля.

Вопрос о том, мотивирует ли президента Си очевидное желание Вашингтона сократить свое присутствие на Ближнем Востоке, привлекательность Пекина и крупные инвестиции в регион играть более активную роль в геополитике и безопасности региона, остается открытым. Некоторые аналитики считают, что такой исход неизбежен, учитывая необходимость защиты постоянно расширяющегося круга интересов от Северной Африки до Персидского залива¹⁸. Другие утверждают, что китайская стратегия была такова с самого прихода в регион, случившегося три десятилетия назад. Для этой группы внешнюю политику Китая, в том числе его поведение на Ближнем Востоке, лучше всего характеризует «стратегическое терпение». Эта группа аналитиков утверждает, что китайское руководство осознавало, что Китай не в состоянии бросить вызов гегемонии США в регионе. Вместо этого оно использовало общественные блага, предоставляемые Вашингтоном в регионе, в частности, безопасность, для развития дипломатических, политических и экономических связей, чтобы ко времени, когда Пекин модернизирует и расширит свой военный потенциал, Китай сумел вытеснить Соединенные Штаты и сам занять место гаранта порядка и стабильности на Ближнем Востоке.

Для тех, кто считает, что геостратегическая цель Китая — затмить Соединенные Штаты, нейтралитет Пекина в отношении регионального соперничества и конфликтов вовсе не является нейтралитетом. Эти аналитики указывают на непоколебимую позицию Китая в отношении попыток Америки и Запада покарать Башара Асада за преступления против человечности, которые совершал режим в ходе сирийской гражданской войны. Безусловно, Китай долгое время придерживался (если не на практике, то на словах) политики невмешательства во внутренние дела других стран. Но защита сирийского правительства от порицания и закономерный срыв политики США несет в себе геостратегические преимущества для Китая, особенно с учетом того, что американские партнеры в регионе, такие как Египет, Оман и Объединенные Арабские Эмираты, способные обеспечить успех BRI, в той или иной мере поддерживают режим Асада¹⁹.

Кроме того, есть Иран. Летом 2020 года Пекин договорился с Тегераном о 25-летнем стратегическом партнерстве. Аналитики и журналисты интерпретировали этот договор как сдвиг, значительное укрепление связей между Китаем и Ираном²⁰. С одной стороны, такое развитие событий демонстрирует нейтралитет Китая в регионе (учитывая, что Израиль, Саудовская Аравия и ОАЭ также являются важными китайскими партнерами). Однако сотрудничество Китая с Ираном явно имеет геополитические цели. Во-первых, учитывая объем нефти, импортируемой из Ирана, Китай заинтересован в стабильности иранского режима. Во-вторых, китайское руководство заинтересовано в сохранении иранского режима еще и для того, чтобы США были сосредоточены на развитии событий в Персидском заливе, а не в Южно-Китайском море. Помощь, которую Пекин предоставил Тегерану, страдающему от жестких американских санкций, стала еще одним пунктом в длинном списке претензий американских политиков к Китаю. Президент Джо Байден, вероятно, сделает упор на дипломатическое разрешение конфликта с Ираном и возможное ослабление санкций, что может смягчить разногласия между Вашингтоном и Пекином в Персидском заливе. Аналитики утверждают, что поведение китайского правительства в Иране было направлено на

подрыв американской политики. Это могло стать итогом, но в равной степени возможно и другое объяснение: китайские лидеры стремились сохранить гибкую политику в важном регионе.

Несмотря на расширение влияния на Ближнем Востоке, Пекин в настоящее время не в состоянии выполнить желание большинства государств в регионе, которые, помимо торговли и инвестиций, нуждаются в великой державе, обеспечивающей стабильность и безопасность. Официальные лица Египта, например, приветствовали углубление двусторонних связей с Китаем и настаивают на том, что не будут вмешиваться в глобальное соревнование между Пекином и Вашингтоном, но они также открыто признают, что в настоящее время только США способны предложить такой уровень безопасности и военной помощи. Лидеры арабских государств верят, что инвестиции Китая, торговля и совместные проекты с Пекином сулят им выгоду, но также желают сохранить двусторонние связи с США из соображений безопасности.

Индия

За последние два десятилетия, особенно с тех пор, как Нарендра Моди стал премьер-министром в 2014 году, Индия приложила немало дипломатических усилий для развития и укрепления связей с Ближним Востоком, преимущественно со странами Персидского залива²¹. Тем не менее, несмотря на все недавние усилия Индии, она сильно отстает от Китая и России. Причин тому несколько: давняя приверженность Нью-Дели политике неприсоединения, удерживающая на расстоянии Израиль и арабские государства Персидского залива; тесные связи между Пакистаном и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, особенно такими тяжеловесами, как Саудовская Аравия и ОАЭ; и, если говорить о Пакистане, расхождение во взглядах на Афганистан.

Успех индуистских националистов Индии на выборах в сочетании с угрозой исламистского экстремизма в 1990-х и начале 2000-х сыграл важную роль во взаимодействии Нью-Дели с Израилем и странами Персидского залива. В 1992 году правительство Индии улучшило отношения с Израилем, положив начало эре сотрудничества в области технологий и оборонной промышленности, которая продолжается по сей день²². Десять лет спустя, после того как Саудовская Аравия пережила волну атак «Аль-Каиды», лидеры стран Персидского залива обнаружили, что у них с Индией есть общие интересы в борьбе с этой угрозой. Последующее ухудшение отношений между Пакистаном и Объединенными Арабскими Эмиратами из-за поддержки Исламабадом экстремистских группировок в значительной степени способствовало развитию связей с Индией. Даже саудовско-пакистанские отношения, которые долгое время основывались на финансовой поддержке Эр-Рияда в обмен на поддержку Исламабадом безопасности Саудовской Аравии, в последние годы осложнились рядом трудностей. Изменения предоставили лидерам Индии возможность играть более активную и важную роль в регионе, которая закрепилась в эпоху Моди.

Тем не менее Индия по-прежнему остается в невыгодном положении, несмотря на импорт 59 процентов нефти из стран Персидского залива и тот факт, что в регионе работают миллионы индийцев, отправляя домой денежные переводы на миллиарды долларов США.²³ Основное препятствие влиянию Индии и основная причина ее интереса к региону — это Китай.²⁴ Индийское руководство всё больше беспокоит влияние Китая в регионе, столь важном для Индии, особенно очевидное стремление Китая стать военно-морской державой в этом регионе. Однако, несмотря на все усилия и успехи Моди в налаживании более тесных связей со странами региона, Индия просто не так привлекательна, как Китай с инициативой «Один пояс, один путь» и соответствующими финансовыми возможностями. Лидеры региона не рассматривают Нью-Дели ни как страховку на случай сокращения присутствия Вашингтона на Ближнем Востоке, ни как потенциальный противовес Вашингтону, если американцы останутся. В результате Индия при всех ее размерах и потенциале займет место аутсайдера в регионе. Несомненно, сотрудничество в сфере безопасности и коммерческие связи будут расширяться, но влияние Индии будет в значительной степени ограничено, страна останется в тени Китая.

Европейский Союз

По ряду критериев (близость, экономическая мощь и политический вес) Европейский Союз (ЕС) должен иметь большее влияние на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Но это не так. Во многом причина отсутствия его влияния носит структурный характер. Внешняя политика Европейского Союза подчиняется правилу единогласия, что затрудняет проведение согласованной стратегии. Кроме того, основные цели ЕС в регионе: стремление к урегулированию арабско-израильского конфликта на основе сосуществования двух государств, поддержание СВПД и остановка наплыва беженцев из зон ближневосточного конфликта — часто подвергаются влиянию со стороны более влиятельных субъектов, которые в большей степени, чем Брюссель, склонны рисковать для достижения своих целей. В результате Соединенные Штаты, Израиль, арабские страны и власти Палестинской автономии часто блокируют усилия Европы по прекращению конфликта между Израилем и Палестиной. Брюсселю удалось сохранить СВПД после того, как администрация Трампа нарушила соглашение, что само по себе является достижением, но он не смог ни отговорить Соединенные Штаты от этого серьезного шага, ни помешать Ирану обогащать всё большие объемы урана²⁵. ЕС, возможно, добился наибольших успехов в остановке потока беженцев в Европу, но этот успех является либо прямым результатом взяточничества (в случае с Турцией), либо противоречит основным принципам ЕС, касающимся уважения человеческого достоинства и прав человека. Усилия ЕС по прекращению конфликтов в Ливии, Сирии и Йемене принесли не больше плодов, чем усилия других крупных игроков.

Это не означает, что усилия Европейского Союза на Ближнем Востоке несут существенны. Подход Европы, который включал Европейскую политику соседства, Средиземноморский союз и ряд соглашений об объединении с отдельными странами, указывает на то, что Брюссель имеет влияние в регионе. Эти усилия дают Европе возможность использовать диалог с лидерами Ближнего Востока для проведения политических и экономических реформ, а также сотрудничества между ЕС и региональными правительствами. ЕС также выступал в роли посредника и консультанта при урегулировании различных конфликтов. Эти усилия оказались полезны, особенно когда предпринимались совместно с другими влиятельными участниками. Однако один только Европейский Союз не добился больших успехов в этих областях, в том числе по части реформ. Диктаторы Ближнего Востока приветствуют инвестиции Европы в их экономику, но не желают взамен внедрять политические и экономические изменения, угрожающие их интересам. Кроме того, чиновники на Ближнем Востоке понимают, что, несмотря на официальную позицию Европы, члены ЕС гораздо больше заинтересованы в сохранении безопасности и стабильности у себя дома и поэтому будут сотрудничать даже с теми странами региона, которые не соблюдают права человека.

Мало кто из лидеров Ближнего Востока рассматривает Европейский Союз как альтернативу другим великим державам. ЕС не заинтересован и не способен играть более значительную роль в регионе. Его работа на Ближнем Востоке обычно более эффективна в сотрудничестве с другими великими державами. Даже по вопросам, в отношении которых ЕС якобы имеет некоторое влияние и моральные убеждения, Брюссель не смог или не захотел оказать давление на региональных лидеров, чтобы они устранили самые вопиющие нарушения прав человека. Ближневосточные лидеры склонны рассматривать ЕС как источник инвестиций, а отдельные европейские страны,

такие как Франция и Германия, — как надежные источники вооружений и военной техники на прибыльном ближневосточном рынке вооружений.

Основное соперничество за власть и региональные конфликты

Возвращение России и появление Китая в качестве влиятельных игроков после длительного периода американского господства придают новую динамику конфликтам на Ближнем Востоке. Как уже отмечалось, вмешательство России в гражданскую войну в Сирии с целью спасения Башара аль-Асада от поражения в 2015 году означало конец гегемонии в регионе. За два года до действий Москвы по спасению сирийского режима китайское правительство объявило об инициативе «Один пояс, один путь» после того, как в предыдущие десятилетия незаметно вложило в регион значительные ресурсы. Это были серьезные шаги, но они принципиально не изменили заданный США порядок в регионе или самопровозглашенную роль Америки как гаранта безопасности и стабильности в регионе. Они также не представляли угрозы интересам США в регионе. Администрация Обамы вместе со значительной частью американского внешнеполитического сообщества была готова позволить России ввязаться в сирийскую гражданскую войну. Хотя Китай выступил против американских попыток привлечь Асада и его сторонников к ответственности и подорвал политику Соединенных Штатов в отношении Ирана, он не пытался напрямую бросить вызов гегемонии Америки в регионе.

Безусловно, великие державы были вовлечены в конфликты в регионе, но по большей части не друг с другом. Поскольку на Ближнем Востоке существует конкуренция между великими державами, правительства Китая, России и Америки борются за расширение или сохранение своего влияния. Вместо прямой конфронтации между великими державами Соединенным Штатам и России (но не Китаю) пришлось противостоять региональным державам, которые делают ставки на формирование Ближнего Востока в своих целях, особенно в Сирии и Ливии.

СИРИЯ

Угроза со стороны самопровозглашенного Исламского государства вернула Соединенные Штаты обратно в Ирак летом 2014 года, а оттуда — в Сирию. Там США пришлось противостоять своему союзнику по НАТО, Турции. Решение США сотрудничать с сирийскими боевыми группировками курдов, связанными с Рабочей партией Курдистана (турецкой курдской группировкой, внесенной в список иностранных террористических организаций Госдепартамента США) в борьбе против Исламского государства вызвало гнев турецкого руководства. В то время Анкара утверждала, что единственный способ победить Исламское государство — свергнуть режим Асада. Эрдоган также указал, что его приоритетом в Сирии является борьба с курдским национализмом. Возникший в результате разрыв в отношениях США и Турции сохраняется, несмотря на решение Трампа в конце 2019 года сократить численность американских войск в Сирии. Президент также приказал оставшимся военным отойти от сирийско-турецкой границы и не вмешиваться в конфликт курдских, турецких и сирийских военных, выступающих на стороне Турции. Разногласия между

Соединенными Штатами и Турцией по поводу Сирии стали не только серьезным препятствием в двусторонних отношениях и к единству внутри НАТО, но и затянули сирийский конфликт.

С момента падения сирийской столицы Исламского государства, Ракки, Соединенные Штаты почти не вмешивались в конфликт. Хотя небольшое количество оставшихся американских солдат периодически сталкиваются с агрессивным поведением российских военных на дорогах на севере Сирии, с тех пор как американские спецназовцы убили от двухсот до трехсот солдат режима и российских служащих по контракту в феврале 2018 года, Соединенные Штаты и Россия не устраивали какие-либо ожесточенные столкновения. Ни администрация Трампа, ни внешнеполитические лидеры Демократической партии не хотели брать на себя более активную роль в Сирии. Их вполне устраивало ограниченное присутствие вооруженных сил США для защиты нефтяных месторождений на северо-востоке и сдерживания Ирана. Вашингтон периодически настаивал на дипломатическом разрешении конфликта и на привлечении режима Асада к ответу за многочисленные преступления. Соединенные Штаты и их европейские союзники пытались провалить в Совете Безопасности ООН резолюции об ответственности сирийского руководства несмотря на возражения Китая и России, которые наложили вето на эти меры. И хотя администрация Трампа стремилась оказать давление на режим Асада, угрожая санкциями организациям, способным инвестировать в послевоенное восстановление Сирии, Соединенные Штаты были готовы позволить России увязнуть в Сирии вместе с подчас проблемным государством-сателлитом и множеством стран с конкурирующими целями.

Башар аль-Асад, сирийские курды, Иран, Израиль и Турция — все в той или иной степени обязаны Путину защитой своих интересов в сирийском конфликте. Однако все они имеют возможность действовать независимо от Москвы. Время от времени все они бросали вызов русским, которые не всегда принимали в ответ карательные меры. В 2018 году израильские F-16 следовали за российским самолетом-разведчиком, который сирийские расчеты ПВО приняли за израильский самолет и сбили, вызвав гнев российского командования. В попытке снять напряжение в отношениях с российскими военными Армия обороны Израиля прекратила все воздушные операции над Сирией, но возобновила их через несколько месяцев. Кроме того, сирийский режим и военные, поддерживаемые Ираном, не всегда вели войну так, как того хотела Россия; как уже отмечалось, Москва и Тегеран преследуют разные цели в конфликте, помимо спасения Асада. При этом русские привязаны и к сирийцам, и к иранцам.

Гораздо более серьезным вызовом главенству России в Сирии является присутствие турецких войск на севере страны. Интересы России и Турции в регионе совпадают в оказании противодействия политике США, которую они воспринимают как дестабилизирующую и хищническую. За последние пять лет между ними установились более тесные торговые, дипломатические отношения и отношения в сфере безопасности. Покупка Турцией российской системы противовоздушной обороны С-400 вопреки возражениям США и НАТО является ярчайшим свидетельством готовности Турции отвергнуть своих традиционных союзников, когда того требуют ее интересы. Среди этих интересов исход войны в Сирии, который не угрожает безопасности Турции. С этой целью Эрдоган отказался от смены режима в Сирии в пользу политики, препятствующей любому урегулированию конфликта, при котором сирийские курды получают собственное государство или даже автономию. В этом Эрдоган пытался заручиться поддержкой Москвы, но русские также вели двойную игру, время от времени предлагая поддержку сирийским курдам, при этом не прекращая сотрудничества с Анкарой. Турция и Россия в целом смогли сгладить свои разногласия в сфере дипломатии благодаря регулярному общению Эрдогана и Путина, но дважды в 2020 году турецкие и российские военные выступали друг против друга, хотя и косвенно.

Первое столкновение произошло в феврале 2020 года, когда Россия якобы нанесла авиаудары по турецким военным и их союзникам из сирийского ополчения, куда входили члены экстремистских группировок, после освобождения деревни Саракеб в Идлибе. В результате погибло 33 турецких солдата. В ответ Турция предприняла серию атак не на позиции России, а, скорее, на силы Асада и их союзников, нанеся значительный ущерб и не позволив осуществить российско-сирийский план по возвращению Идлиба. Остается неясным, вытеснило ли турецкое наступление русских на какое-то время или Путин намеренно отошел в сторону, когда воздушные удары Турции, удары беспилотников и артиллерийский огонь нанесли урон его союзникам, чтобы получить больше рычагов влияния. Второй конфликт произошел в конце октября, когда Россия нанесла воздушные удары по сирийскому ополчению (союзникам Турции) на северо-западе Сирии, в результате чего 56 боевиков были убиты и еще 100 ранены. Русские сообщили Турции о намерении ограничить ее региональные амбиции после того, как она направила сирийских наемников в Азербайджан, который из-за Нагорного Карабаха находится в состоянии войны с Арменией. Явно не желая нагнетать напряженность в отношениях с Москвой, Анкара не стала отвечать на удары российской авиации. Турция, вероятно, имела более широкие интересы, учитывая военное преимущество Азербайджана, ее союзника, перед Арменией, заключившей договор о защите с Россией. Как и в конфликтах на Ближнем Востоке, Турция и Россия отложили разногласия и вместе занялись вопросом прекращения военных действий в Нагорном Карабахе, которое положило конец войне в пользу Азербайджана.

ЛИВИЯ

Подобно ситуации в Нагорном Карабахе и Сирии, в Ливии Турция и Россия оказались по разные стороны. Анкара не зависит от Москвы в защите своих интересов в Северной Африке. Конфликт в Ливии затронул не только Турцию и Россию, но также Египет, Францию, Италию, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. Французы, эмиратцы, египтяне и русские поддерживают Ливийскую национальную армию (ЛНА) генерала Халифы Хафтара и Палату представителей, базирующуюся в Тобруке, в то время как турки и катарцы оказывают военную и финансовую поддержку получившему международное признание Правительству национального согласия (ПНС), которое базируется в Триполи, одновременно пользуясь политической и дипломатической поддержкой со стороны бывшей колониальной державы Италии и других стран. Соединенные Штаты и различные члены ЕС, особенно Германия, пытались урегулировать конфликт в поддержку Организации Объединенных Наций. Администрация Трампа признала ПНС, однако, осаждая Триполи в середине апреля 2019 года, Хафтар разговаривал с Трампом по телефону. Звонок был в высшей степени необычным, поскольку Хафтар не является ни главой государства, ни главой правительства; кроме того, администрация Трампа признала легитимность ПНС и способствовала переговорам как средству примирения.

После того как в конце 2019 года Турция согласилась направить войска в Ливию, военное положение ПНС заметно улучшилось. К июню 2020 года сочетание турецкой ПВО, вооруженных беспилотников и не менее пяти тысяч сирийских наемников помогло ПНС оттеснить силы Хафтара с окраин Триполи в Сирт. И все же до урегулирования конфликта было далеко. Присутствие ПНС в Сирте и его окрестностях в сочетании с угрозами Турции изгнать Хафтара из Ливии и создать в стране постоянные базы вызвали гнев Египта. Во время смотра сил на западе Египта президент

Абдель Фаттах ас-Сиси сказал, что присутствие турок в Сирте является «красной линией». Египетский парламент почти сразу пообещал поддержку военного вторжения, если Палата представителей Ливии попросит об этом.

Конфликт между гражданской и опосредованной войной в Ливии позволил избежать разжигания регионального конфликта по трем причинам. Во-первых, учитывая, насколько далеко их войска были от дома, турки были вынуждены серьезно отнестись к угрозам интервенции Египта. Во-вторых, политическое противостояние и антиправительственные протесты на улицах Триполи дестабилизировали ПНС, хотя и ненадолго. И, в-третьих, изоляция Турции в регионе увеличивалась даже среди европейских сторонников ПНС, а потому страна не могла заручиться международной поддержкой военного наступления ПНС на восточную границу Ливии. В результате в октябре Организация Объединенных Наций объявила, что ПНС и Палата представителей Ливии договорились о прекращении боевых действий; время покажет, будет ли выполнено это обещание. Это зависит от готовности международных сторонников обеих сторон соблюдать эмбарго на поставки оружия, чего им не хотелось бы. Со своей стороны, Эрдоган заявил, что не видит, за счет чего будет сохраняться мир²⁶. Если этого не произойдет, Турция и Россия, скорее всего, воспользуются своими рычагами воздействия на ПНС и Палату представителей Ливии соответственно, чтобы разделить страну и ее ресурсы. Ни Соединенные Штаты, ни Китай почти не вкладывались в гражданскую войну в Ливии, позволив России глубоко увязнуть в еще одном непростом региональном конфликте. Однако существует риск, что Россия добьется успеха и распространит влияние Москвы на североафриканское побережье, что даст Путину еще один вектор для сеяния разногласий в Европе²⁷.

В то же время конфликт в Ливии выводит на первый план конкуренцию между региональными и великими державами. Как уже отмечалось, разногласия между Турцией и Россией в Ливии усилились до такой степени, что опосредованные войны вступили в прямой конфликт. Наступление ПНС при поддержке Турции в конце весны 2020 года вывело из игры российских наемников, поддерживающих ЛНА Хафтара, пока Москва не усилила свою военно-воздушную мощь в Ливии, привлекая отряды поддерживаемых Кремлем наемников²⁸. Тем не менее, как и в Сирии, турки и русские смогли разделить свои противоположные цели в Ливии. Это было особенно важно для Москвы, учитывая ее серьезные усилия по сеянию разногласий и ослаблению Запада, а затягивание ливийского конфликта весьма способствует достижению этой цели.

Еще одним важным последствием событий в Ливии стало ухудшение отношений между Турцией и Францией (что сыграло на руку Путину и побудило его урегулировать разногласия с Эрдоганом по ливийскому конфликту). Французы, обеспокоенные своими коммерческими интересами, исламистским экстремизмом и тем, что ливийские беженцы снова хлынут к европейским берегам, объединились с Хафтаром против ПНС, которое пользовалось поддержкой Анкары²⁹. Напряжение между Францией и Турцией обострилось, когда Триполи и Анкара подписали договор о разграничении морских зон в ноябре 2019 года и военный пакт в июле 2020 года. Новые морские границы, разделявшие Средиземное море пополам, не имели правовой основы и фактически расширили ливийский конфликт до восточного Средиземноморья, где Турция уже конфликтовала с Кипром, Египтом, Грецией и Израилем по поводу границ и разведки газа. Организация, которая позже стала известна как Восточно-Средиземноморский газовый форум, стремилась ограничить территорию Турции в Средиземном море, создав угрозу безопасности Турции. Однако для французов и других стран демонстрация военной мощи Турции свидетельствовала о том, что страна желает влиять на политику и безопасность во всем Средиземноморском бассейне. Помимо геостратегических расчетов, в политике Турции преобладало ирредентистское, романтическое

националистическое мировоззрение, враждебное Западу, под названием «*Мави Ватан*» (или «Голубая Родина»), которое укрепило как агрессивную позицию Турции, так и усилия Кипра, Египта, Франции, Греции, Израиля и даже Эмиратов по противодействию ей.

В результате провокационной политики Анкары Париж быстро усилил поддержку Афин и Никосии. Французский флот наладил связи со своими греческими партнерами, поскольку оба усилили наблюдение за турецким флотом и небольшим флотом турецких газоразведочных судов на Кипре. Турецкое правительство также планировало разместить разведочные суда недалеко от острова Каstellоризо, который находится всего в 1,5 милях от турецкого побережья, и Крита, крупнейшего греческого острова.

Маневры между враждебными флотами в восточной части Средиземного моря повышали вероятность просчета или ошибки, способной вызвать враждебный огонь. В июне 2020 года французский сторожевой корабль, обеспечивающий соблюдение эмбарго на поставки оружия в Ливию, столкнулся с турецкими судами. В августе греческие и турецкие военные корабли столкнулись, когда греки преследовали турецкое исследовательское судно. В дополнение к усилению французского военно-морского присутствия и совместных маневров с греческим флотом, Франция направила на Кипр два истребителя и грузовой самолет C-130 в качестве символической поддержки безопасности Кипра и предложила Греции новые истребители, сторожевые корабли и вертолеты Mirage. Но не только французы выступили против Турции; пилоты из ОАЭ, одного из соперников Турции в регионе, прибыли на Крит и провели совместные учения с ВВС Греции. Египет и Греция также ратифицировали собственное соглашение о морских границах.

Учитывая напряженность между столь многими важными американскими партнерами и союзниками (Египтом, Францией, Грецией, Израилем, Катаром, Турцией и Объединенными Арабскими Эмиратами) по поводу ливийского конфликта и восточного Средиземноморья, решение Путина не выступать напрямую против Эрдогана в Ливии (и Сирии) явно принесло дивиденды в виде распрей внутри НАТО и Евросоюза. Хотя Соединенные Штаты периодически предпринимали дипломатические усилия для прекращения огня в Ливии и демонстрировали военную мощь в восточном Средиземноморье, что ненадолго сдерживало турецкий военно-морской флот и газовую разведку, американские чиновники в основном оставили этот двойной кризис переговорщикам из Европы, ООН и НАТО.

Очевидная незаинтересованность администрации Трампа в конфликтах укрепила мнение лидеров Северной Африки и Европы о том, что Соединенные Штаты намерены значительно сократить свое присутствие и авторитет в восточном Средиземноморье, предоставив региональным игрокам возможность взять дело в свои руки. Это также означало более тесное сотрудничество России по вопросам безопасности с такими странами, как Египет, ОАЭ, ЛНА Хафтара и даже Турцией. Китайское правительство, как обычно, прямо не участвует ни в одном из конфликтов, но у него растет интерес к Средиземноморью, учитывая его инвестиции в Северную Африку. Возможно, наиболее важным игроком в регионе является Европейский Союз, хотя отсутствие единства в таких вопросах, как Ливия и Восточное Средиземноморье, привело к разногласиям среди стран-членов ЕС. Франция, поддерживая Хафтара, взяла на себя инициативу в противодействии тому, что, по ее мнению, является хищнической политикой Турции, однако мудрость этого подхода, особенно в отношении ЛНА, не получила всеобщего одобрения в Брюсселе. В результате правительству Германии пришлось выступать посредником между всеми сторонами в Европе и Восточном Средиземноморье, что дало неоднозначные результаты.

ЙЕМЕН И ЛИВАН

Если говорить о других крупных конфликтах и кризисах в регионе, например, в Йемене и Ливане, то в них великие державы сыграли не столь большую роль, как в Сирии и Ливии. Например, США поддержали вмешательство Саудовской Аравии в конфликт в Йемене между хуситами и признанным международным сообществом правительством, которое было изгнано из Саны в 2014 году. Русские и китайцы избежали конфликта, хотя Китай сохраняет интерес к порту Аден и, вероятно, захочет инвестировать в восстановление Йемена. Крах Ливана усилил дипломатические усилия Америки и Франции, которые только подпитывали друг друга, поскольку русские и китайцы держались подальше от ливанской политики. Тем не менее Китай восстанавливает ливанский порт Триполи, который находится в 65 милях от сирийского города Хомс, поскольку он рассчитывает на будущее восстановление Сирии. Учитывая требования прозрачности, необходимые для получения помощи Запада через Международный валютный фонд, эта помощь может быть привлекательной для некоторых ливанских чиновников и высших слоев общества. Однако союз с Китаем поставит под угрозу важные экономические, политические и культурные связи Ливана с Европой и Соединенными Штатами.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КРУПНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

Сотрудничество на Ближнем Востоке возможно, но такие усилия редко бывают более чем эпизодическими и ограничиваются определенными областями, такими как борьба с пиратством и свобода судоходства. Даже в этом случае сотрудничество может отражать или продвигать планы крупных держав, которые стремятся расширить свое влияние в регионе.

Рассмотрим, например, Совместный всеобъемлющий план действий. Если, как и ожидалось, президент Байден вернет Соединенные Штаты к соглашению или будет искать новый, более широкий курс, которая коснется вопросов, выходящих за рамки ядерных разработок Ирана, то лидеры России, Китая, Индии и ЕС, вероятно, будут приветствовать этот шаг. Европейцы очень старались сохранить жизнеспособность СВПД с тех пор, как администрация Трампа нарушила соглашение в мае 2018 года, и Индия, которая импортирует значительные объемы нефти из Ирана, не будет стоять перед незавидным выбором: бросить вызов США или оказаться в зависимости от других поставщиков. Хотя Россия и Иран разделяют заинтересованность в сохранении режима Асада, усилия Москвы по расширению влияния в регионе выигрывают от соглашения, ограничивающего региональные амбиции Тегерана. Китайское руководство приветствовало бы новое соглашение с Ираном хотя бы потому, что оно позволило бы Китаю, который получил преимущество перед Европой, продолжать развивать свои отношения с Ираном, не опасаясь ответных мер со стороны Америки.

Несмотря на совпадение интересов великих держав в отношении СВПД или нового соглашения с Ираном, сотрудничество в области нераспространения оружия массового поражения в целом затруднено. Помимо предоставления технологий для ядерной программы Ирана, российские компании участвуют в строительстве египетских и турецких атомных станций.

Соединенные Штаты и Китай, по слухам, тоже оказывают помощь Саудовской Аравии в развитии ядерной программы, хотя официально об этом еще не объявлено.

Если войны в Ливии, Сирии и Йемене наконец-то закончатся, китайцы, русские, турки и европейцы захотят сотрудничать. Тем не менее любое прекращение конфликта в Сирии, которое оставит Башара аль-Асада на месте, в лучшем случае затруднит сотрудничество Европы, Турции и США с Россией и Китаем. Турки и русские еще могут курировать раздел Ливии с соответствующими экономическими выгодами для Анкары и Москвы, при этом китайцы также сыграют свою роль. Это не тот вид сотрудничества, которого ожидает большинство наблюдателей при мысли о сотрудничестве между великими державами на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Заключение

Перспективы сотрудничества региональных или великих держав для сдерживания или урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке неутешительны. В регионе мало возможностей и готовности положить конец различным гражданским и опосредованным войнам. В большинстве случаев сторонами конфликтов являются страны региона с наибольшим государственным потенциалом. Когда дело доходит до великих держав, перспективы также не обнадеживают. Как уже отмечалось, ЕС оказался слабым и разделенным по большинству насущных региональных вопросов. Нестабильность в регионе не угрожает интересам Индии, которые сосредоточены исключительно на борьбе с терроризмом, коммерческих возможностях, сотрудничестве с Израилем в сфере высоких технологий и, конечно, энергетике. Более того, у Индии нет ни возможностей, ни регионального авторитета для решения серьезных проблем в Ливане, Ливии, Восточном Средиземноморье, Сирии и Йемене.

Россия стремилась сдерживать и смягчать конфликты в регионе, но в своих интересах и способами, которые превращают Москву в одну из сторон этих конфликтов. Например, вместо того чтобы использовать свое дипломатическое и политическое влияние для прекращения гражданской войны в Сирии, Россия стремилась положить конец конфликту силой своего оружия в поддержку режима Асада, что только больше втянуло Москву в сирийскую политику и сделало ее субъектом влияния в Дамаске. Хотя вторжение в Сирию принесло Путину больше уважения и расширило доступ России на Ближний Восток, сейчас он обременен сирийской гражданской войной, которая, очевидно, будет продолжаться. Со своей стороны, Китай не заинтересован во власти в регионе и стремится избежать ошибок Соединенных Штатов и России на Ближнем Востоке. Вместо того чтобы смягчать или сдерживать конфликты, китайцы продемонстрировали готовность навести порядок после того, как они закончились или почти закончились, при этом продвигая свои собственные меркантильные интересы.

Соединенные Штаты не изъявили стабильного желания сдерживать или урегулировать конфликты. Они оставили его на усмотрение дипломатического корпуса и государственных гражданских служащих, которым на протяжении всей эпохи Трампа не хватало политического руководства и сил для конструктивного разрешения конфликта в Сирии и Йемене. Станут ли конфликты в любой из этих стран приоритетом для администрации Байдена, у которой уже есть длинный список внутренних и внешнеполитических приоритетов, покажет время. Иногда Ливан и Ливия привлекают к себе повышенное внимание, но выход США из конфликта является отходом от прошлой практики. Безусловно, США не может решить все проблемы, но четыре крупных региональных конфликта либо напрямую затрагивают основные интересы США на Ближнем Востоке, либо вызвали нестабильность в прилегающих регионах, таких как Европа, стабильность которой является главной заботой Соединенных Штатов.

В этих обстоятельствах прогноз сотрудничества между региональными или великими державами ради сдерживания и прекращения конфликтов вряд ли будет многообещающим. Преследуя собственные интересы, эти страны усложнили урегулирование конфликтов в регионе, дестабилизировав ситуацию на Ближнем Востоке. Хорошая новость заключается в том, что, несмотря на напряженность на местах и, в некоторых случаях, вооруженные конфликты, великие державы продемонстрировали нежелание вступать в прямые конфликты друг с другом. Процедуры

разрешения конфликтов в целом соблюдались, и дипломатические каналы связи оставались открытыми. Такой подход обнадеживает, но он не способствует стабильности хотя бы потому, что великие державы выступают сторонами различных конфликтов, а региональные игроки еще не готовы сложить оружие.

Конечно, события на Ближнем Востоке и за его пределами могут изменить дальнейший путь развития конкуренции и сотрудничества великих держав. Решение администрации Байдена вернуться в Парижское соглашение, и глобальная пандемия коронавируса могут дать импульс для более тесного сотрудничества, особенно с учетом уязвимости стран Ближнего Востока к изменению климата и инфекционным заболеваниям. Тем не менее за последнее десятилетие события на Ближнем Востоке доказали, что правительственные чиновники, аналитики и журналисты не могут прогнозировать ситуацию в регионе. Однако маловероятно, что Соединенные Штаты захотят укреплять свои позиции. Значительные инвестиции на Ближнем Востоке потребуют политической поддержки со стороны американского народа и Конгресса, которую они не хотят оказывать. Кроме того, высшие слои общества, интересующиеся внешней политикой внутри и вне правительства, явно пришли к своего рода согласию о том, что роль США в регионе необходимо поменять. В Вашингтоне спорят не о том, следует ли Соединенным Штатам покинуть регион, а о том, как лучше это сделать³⁰.

Когда дело доходит до конкуренции великих держав, на первый план выходят два противоположных взгляда на роль Америки на Ближнем Востоке. Один из них утверждает, что, сокращая свое присутствие в регионе, Соединенные Штаты высвобождают ресурсы для противостояния новым вызовам в Азии, проистекающим из глобальных амбиций Китая и российского реваншизма в Европе. Другая, более убедительная, точка зрения выступает за то, что американским политикам необходимо переосмыслить цели политики США на Ближнем Востоке, однако считает ограничение влияния слишком радикальной мерой, которая даст возможность Москве, Пекину и ряду региональных игроков продвигать свои интересы в ущерб Вашингтону и потенциально может спровоцировать хаос. Несмотря на все вызовы, с которыми Соединенные Штаты сталкиваются на Ближнем Востоке, они остаются самым важным, могущественным и влиятельным игроком в регионе. Они также имеют преимущество дальнейшего культурного влияния. Таким образом, если официальные лица США получают более четкое представление о том, что важно для Соединенных Штатов, у них будет больше шансов избежать стратегических ошибок последних двух десятилетий, которые позволили таким конкурентам, как Россия и Китай, руководствующимся узкими целями, продвигать свои интересы на Ближнем Востоке.

Благодарности

Выражаю благодарность Полу Старесу, директору центра превентивных действий при Совете по международным отношениям, и моему научному сотруднику Франческе Еремеевой за вдумчивые отзывы и предложения по черновикам этой статьи. Под умелым руководством Франчески Джордан Ротшильд стал сведущим исследователем в этом проекте. Мой дорогой друг Джеймс Грин, бывший торговый представитель США в Пекине, помог мне в работе над разделом о Китае. Патриция Дорфф и Кэтрин де Шан из отдела публикаций заслуживают похвалы и благодарности за помощь в улучшении этой статьи. Я также благодарен за щедрую помощь Корпорации Карнеги в Нью-Йорке, которая поддерживает работу Совета по борьбе с глобальными беспорядками.

Стивен А. Кук

Об авторе

Стивен А. Кук — старший научный сотрудник фонда им. Эни Энрико Маттеи по исследованиям Ближнего Востока и Африки, и директор сообщества штатных исследователей проблем международных отношений при Совете по международным отношениям (CFR). Он является обозревателем журнала *Foreign Policy* и экспертом по арабской и турецкой политике, а также политике США и Ближнего Востока. Кук также является автором публикаций «*False Dawn: Protest, Democracy, and Violence in the New Middle East*» (*Ложный рассвет: протест, демократия и насилие на Новом Ближнем Востоке*); «*The Struggle for Egypt: From Nasser to Tahrir Square*» (*Борьба за Египет: от Насера до площади Тахрир*), в 2012 году получившей золотую медаль Вашингтонского института ближневосточной политики; и «*Ruling But Not Governing: The Military and Political Development in Egypt, Algeria, and Turkey*» (*Правит, но не управляет: военное и политическое развитие Египта, Алжира и Турции*). Издательство Oxford University Press выпустит его следующую книгу, «*The End of Ambition: America's Past, Present, and Future in the Middle East*» (*Конец амбиций: прошлое, настоящее и будущее Америки на Ближнем Востоке*), в 2022 году. Стивен А. Кук также широко публиковался в журналах по международной политике, журналах с комментариями и оценками различных авторов, газетах и часто выступает на радио и телевидении. До прихода в CFR Кук был научным сотрудником Брукингского института (2001–2002 гг.), научным сотрудником и стипендиатом Сорефа в Вашингтонском институте ближневосточной политики (1995–1996 гг.). Кук имеет степень бакалавра международных исследований Вассарского колледжа, степень магистра международных отношений Школы передовых международных исследований при Университете Джона Хопкинса, а также степень магистра и доктора политических наук Пенсильванского университета.

СНОСКИ

1. Стокгольмский международный институт исследования проблем мира, «TIV of Arms Exports to Egypt, 2013–2019» (Значение показателей тенденций экспорта оружия в Египет), публикация от 8 февраля 2021 г., http://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php.
2. Пол Иддон, «Why Are Egypt and Turkey Risking U.S. Sanctions for These Russian Weapons Systems?» (Почему Египет и Турция рискуют получить санкции от США за эти российские системы вооружения?), *Forbes*, 5 августа 2020 г., <http://forbes.com/sites/pauliddon/2020/08/05/why-are-egypt-and-turkey-risking-us-sanctions-for-these-russian-weapons-systems/?sh=24b3e2d3220f>.
3. Эми Маккиннон, «With Base in Sudan, Russia Expands Its Military Reach in Africa» (Благодаря базе в Судане, Россия расширяет военное влияние в Африке), *Foreign Policy*, 14 декабря 2020 г., <http://foreignpolicy.com/2020/12/14/russia-expands-military-reach-africa-navy-base-sudan>; Роман Гончаренко, «With Sudan Naval Base, Russia May Have a ‘Key to Africa» (Военно-морская база в Судане может стать для России «ключом к Африке»), *Deutsche Welle*, 2 декабря 2020 г., <http://dw.com/en/with-sudan-naval-base-russia-may-have-a-key-to-africa/a-55791124>.
4. Анна Борщевская, «Will Russian-Saudi Relations Continue to Improve?» (Продолжат ли улучшаться российско-саудовские отношения?) *Foreign Affairs*, 10 октября 2017 г., <http://foreignaffairs.com/articles/saudi-arabia/2017-10-10/will-russian-saudi-relations-continue-improve>.
5. As Frederic Wehrey and Anouar Boukhars make clear, however, in “Salafism and State Collapse in Libya,” (Как поясняют Фредерик Вери и Ануар Бухарс в публикации «Salafism and State Collapse in Libya» (Салафизм и крах государства в Ливии), в разделе *Salafism in the Maghreb: Politics, Piety, and Militancy» (Салафизм в Магрибе: политика, благочестие и воинственность)* (Нью-Йорк: Oxford University Press, 2019), исламисты, в том числе салафиты, были по обе стороны конфликта ПНС и ЛНА.
6. Джозеф Тревитик, «Russia Says UAE Could Help Build Su-57s as Gulf Nation Puts F-35 Ambitions on Hold» (Россия заявляет, что ОАЭ могут помочь в создании Су-57, поскольку страны Персидского залива сдерживают амбиции в отношении F-35), *Drive*, 18 ноября 2019 г., <http://thedrive.com/the-war-zone/31083/russia-says-uae-could-help-build-su-57s-as-gulf-nation-puts-f-35-ambitions-on-hold>.
7. «Russia Blames Israel After Military Plane Shot Down off Syria» (Россия обвиняет Израиль в том, что у побережья Сирии был сбит военный самолет), *BBC News*, 18 сентября 2018 г., <http://bbc.com/news/world-europe-45556290>.
8. Юджин Румер, «Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None» (Россия на Ближнем Востоке: сапожник без сапог), Фонд Карнеги за международный мир, 31 октября 2019 г., <http://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233>.
9. Наглядные примеры: Гай Бертон, «Negative Peace? China’s Approach to the Middle East (Негативный мир? Политика Китая на Ближнем Востоке), *War on the Rocks*, 11 сентября 2020 г., <http://warontherocks.com/2020/09/negative-peace-chinas-approach-to-the-middle-east>; Пол Вулфовиц, «Is China Pivoting to the Middle East?» (Китай переориентируется на Ближний Восток?), *Caravan*, 1 сентября 2020 г., <http://hoover.org/research/china-pivoting-middle-east>; Майкл Доран и Питер Раф, «China’s Emerging Middle Eastern Kingdom» (Новое ближневосточное королевство Китая), *журнал Tablet*, 2 августа 2020 г., <http://tabletmag.com/sections/israel-middle-east/articles/china-middle-eastern-kingdom>; Эржебет Н. Рожа, «Deciphering China in the Middle East» (Расшифровка планов Китая на Ближнем Востоке), Институт исследований по вопросам безопасности, 30 июня 2020 г., <http://iss.europa.eu/content/deciphering-china-middle-east>; Яссер Эльнагар, «China’s Growing Role in the Middle East» (Растущая роль Китая на Ближнем Востоке), Институт Ближнего Востока, 9 января 2020 г., <http://mei.edu/publications/chinas-growing-role-middle-east>.
10. «China’s Arab Policy Paper» (Документ о политике Китая в отношении арабских стран), Государственный совет Китайской Народной Республики, январь 2016 г., http://english.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm.
11. Джон Б. Альтерман, «The Other Side of the World: China, the United States, and the Struggle for Middle East Security» (Другая сторона мира: Китай, США и борьба за безопасность на Ближнем Востоке), Центр стратегических и международных исследований, 14 марта 2017 г., <http://csis.org/analysis/other-side-world-china-united-states-and-struggle-middle-east-security>.
12. Это верно для всех регионов мира и Китая.
13. Гай К. К. Люн, Раймонд Ли и Мелисса Лоу, «Transitions in China’s Oil Economy, 1990–2010» (Переходные периоды нефтяной экономики Китая, 1990–2010), *Eurasian Geography and Economics*, 52, № 4 (2011): 494, <http://doi.org/10.2747/1539-7216.52.4.483>.
14. «China’s Crude Oil Imports Surpassed 10 Million Barrels per Day in 2019» (Импорт сырой нефти в Китай в 2019 году превысил 10 миллионов баррелей в день), Управление энергетической информации США, 23 марта 2020 года, <http://eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=43216>.
15. Кристиан Ле Мьер, «Increasing Mutual Dependence in Sino-Gulf Relations Is Changing the Strategic Landscape» (Усиление взаимной зависимости в отношениях между Китаем и странами Персидского залива меняет стратегический ландшафт), *Атлантический Совет: EnergySource*, 11 мая 2020 г., <http://atlanticcouncil.org/blogs/energysource/increasing-mutual-dependence-in-sino-gulf-relations-is-changing-the-strategic-landscape>.
16. «China’s Role in Egypt’s Economy» (Роль Китая в экономике Египта), Институт ближневосточной политики Тахрир, 21 ноября 2019 г., <http://timep.org/wp-content/uploads/2019/11/China%E2%80%99s-Role-in-Egypt%E2%80%99s-Economy-Issue11-14-19.pdf>.
17. Альтерман, «The Other Side of the World» (Другая сторона света); «Chinese and Russian Influence in the Middle East» (Китайское и российское влияние на Ближнем Востоке), *слушания в подкомитете Палаты представителей по иностранным делам по проблемам Ближнего Востока, Северной Африки и международного терроризма*, 116-й Конгресс (2019) (свидетельство

- Джона Б. Альтермана, старшего вице-президента Центра стратегических и международных исследований), <http://govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116hhrg36424/pdf/CHRG-116hhrg36424.pdf>.
18. See Rózsa, “Deciphering China in the Middle East.” (См. Рожа «Расшифровка планов Китая на Ближнем Востоке»).
19. «Oman Reinstates Ambassador to Syria After Years-Long Hiatus» (Оман восстанавливает посла в Сирии после долгого разрыва), Associated Press, 5 октября 2020 г., <http://apnews.com/article/embassies-dubai-united-arab-emirates-oman-middle-east-35335060326a924eccd46f0df4373935b>.
20. Алам Салех и Закия Язданшенас, «Iran’s Pact With China Is Bad News for the West» (Пакт Ирана с Китаем — плохая новость для Запада), *Foreign Policy*, 9 августа 2020 г., <http://foreignpolicy.com/2020/08/09/irans-pact-with-china-is-bad-news-for-the-west>.
21. Мохаммед Синан Сиеч, «Understanding India’s Increased Counter Terrorism Relations With Saudi Arabia and the UAE» (Об укреплении антитеррористических отношений Индии с Саудовской Аравией и ОАЭ), *India Review* 19, № 4 (2020): 351–75, <http://doi.org/10.1080/14736489.2020.1797316>.
22. Muhsin Puthan Purayil, “Shifting Trajectory in India-Israel Relations Under Modi,” *Israel Affairs* 26, no. 3 (2020): 471–83, (Мухсин Путан Пураил Изменение направления индийско-израильских отношений при Мод) и <http://doi.org/10.1080/13537121.2020.1754594>.
23. По поводу денежных переводах см. «Remittance Flows Worldwide in 2017» (Мировые потоки денежных переводов в 2017 году), Исследовательский центр Пью, 3 апреля 2019 г. <http://pewresearch.org/global/interactives/remittance-flows-by-country>. Последний год, по которому имеются данные, — 2017-й, в течение которого граждане Индии, проживающие в странах Персидского залива, отправили домой около 40 миллиардов долларов США. См. также публикацию Рахула Рой-Чаудхури, «India and the Gulf Region: Building Strategic Partnerships» (Индия и страны Персидского залива: построение стратегического партнерства), Международный институт стратегических исследований, 29 августа 2018 г., . Что касается импорта нефти, Управление энергетической информации США указывает, что Индия импортирует 59 процентов сырой нефти с Ближнего Востока, в основном из Саудовской Аравии (19 процентов) и Ирака (22 процента). Доля Ирана в портфеле импорта нефти Индии упала с 11 процентов в 2018 году до 2 процентов в 2019 году: <http://eia.gov/international/analysis/country/IND>.
24. Шишир Упадхья, «India’s Maritime Security Relations With the Gulf Cooperation Council Countries – Prospects Amid Rising Chinese Influence» (Отношения Индии в области морской безопасности со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: перспективы на фоне роста китайского влияния), *Maritime Affairs: журнал Национального морского фонда Индии* 15, № 1 (2019): 27–40, <http://doi.org/10.1080/09733159.2019.1625224>.
25. «The Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) at a Glance» (Краткий обзор Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД)), Ассоциация по контролю над вооружениями, обновлено в октябре 2020 г., <http://armscontrol.org/factsheets/JCPOA-at-a-glance>.
26. Джейхун Алиев и Хавва Кара Айдын, «Libya Truce Deal Seems Not Reliable: Turkish Leader» (Перемирие в Ливии кажется ненадежным: турецкий лидер), агентство «Анадолу», 23 октября 2020 г., <http://aa.com.tr/en/middle-east/libya-truce-deal-seems-not-reliable-turkish-leader/2016663>.
27. Стивен А. Кук, «Putin Is Sneaking Up on Europe From the South» (Путин подкрадывается к Европе с юга), *Foreign Policy*, 31 августа 2018 г., <http://foreignpolicy.com/2018/08/31/putin-is-sneaking-up-on-europe-from-the-south>.
28. Эрик Шмитт, «Russian Attack Jets Back Mercenaries Fighting in Libya» (Российские штурмовики поддерживают наемников, сражающихся в Ливии), *New York Times*, 11 сентября 2020 г., <http://nytimes.com/2020/09/11/us/politics/russian-jets-mercenaries-libya.html>.
29. Рандж Алаалдин и Эмадеддин Бади, «Libya’s Proxy Sponsors Face a Dilemma» (Спонсоры опосредованной войны в Ливии столкнулись с дилеммой), Brookings, 15 июня 2020 г., <http://brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/06/15/libyas-proxy-sponsors-face-a-dilemma>; «Libya Demands Answers After French Missiles Found at Pro-Haftar Base» (Ливия требует ответа после обнаружения французских ракет на базе про-Хафтар), *France 24*, 12 июля 2019 г., <http://france24.com/en/20190712-libya-demands-answers-french-javelin-missiles-found-haftar-base>.
30. Стивен А. Кук, «No Exit: Why the Middle East Still Matters to America» (Выхода нет: почему Ближний Восток все еще важен для Америки), *Foreign Affairs*, ноябрь/декабрь 2020 г., <http://foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-13/no-exit>.